

Следовательно, положительное и отрицательное не равноправны, как это думают соглашатели; противоположение есть не равновесие, а *перевес* отрицательного, которое составляет преобладающий момент противоположения. Отрицательное, как определяющее жизнь самого положительного, содержит в себе одним целым противоположения, а потому является наделенным абсолютным правом. «Как, – быть может, спросят меня, – разве Вы сами не признали, что отрицательное, взятое отвлеченно, само по себе, столь же одностороннее, как и положительное, и что распространение его в его современной несовершенной форме было бы опощением всего мира?» Да, но я говорил только о современной форме существования отрицательного, об отрицательном, поскольку оно, будучи исключено положительным, неподвижно замыкается в себе и, таким образом, само становится положительным. Именно являясь таковым, оно отрицается положительным, и последовательные позитивисты выполняют одновременно и логически необходимую, и священную обязанность, отвергая такое существование отрицательного, его спокойное замыкание в себе, хотя и не ведают, что творят. Они думают, что отрицают отрицательное, но выходит наоборот: они отрицают его лишь постольку, поскольку оно само становится положительным; они пробуждают отрицательное из филистерского покоя, к которому оно не предназначено, и возвращают его к его великому призванию – безостановочному и безоглядному разрушению всего положительно установленного.

Мы согласны с тем, что положительное и отрицательное равноправны, когда последнее спокойно и эгоистично замыкается в себе и таким образом само себе изменяет; но отрицательному началу не пристало быть эгоистичным, оно должно с любовью предаться положительному, дабы вобрать его в себя и в этом религиозном, исполненном веры жизненном деле уничтожения явить неисчерпаемую и чреватую будущим глубину своей природы. Положительное отрицается отрицательным, и, наоборот, отрицательное отрицается положительным – что же в обоих общее, превосходящее их обоих? Отрицание, осуждение на гибель, страстное уничтожение положительного, даже если последнее пытается хитро укрыться под личиною отрицательного. Только в качестве такого безоглядного отрицания отрицательное оправданно, и как таковое абсолютно оправданно, ибо в качестве такового оно является деянием практического духа, незримо присутствующего в самом деле противоположении, – духа, который с помощью этой разрушительной бури властно зовет к покаянию грешные души соглашателей и возвещает свое близкое пришествие, свое близкое откровение в истинно демократической и всемирно-человеческой церкви свободы.

Это саморазложение положительного есть единственно возможное сочетание положительного с отрицательным, ибо оно-то и есть имманентное, цельное движение и энергия самого противоположения, а потому всякий другой способ объединения этих начал является искусственным, и всякий, кто ставит целью объединить их как-либо по-другому, этим только доказывает, что он еще не проникся духом времени, а значит, или глуп, или беспринципен, ибо человек является умным и нравственным лишь в том случае, если он всецело предается этому духу и проникнут им. Противоположение цельно и истинно; против этого не возражают и соглашатели; а как цельное оно насквозь жизненно, и энергия его всеобъемлющей жизненности состоит, как мы только что видели, именно в этом беспрестанном самосожжении положительного в чистом пламени отрицательного.

Что же делают теперь соглашатели? Они во всем этом соглашались с нами, они, подобно нам, признают цельность противоположения, но зато отнимают или, вернее, пытаются отнять у последнего его движение, его жизненность, всю его душу, ибо жизненность противоположения есть практическая, для их половинчатых и бессильных душ непереносимая и именно потому возвышающаяся над всеми их попытками задуть ее сила. Положительное, как мы сказали и доказали, взятое само по себе, не является правомочным; правомочным оно является лишь в том случае, когда оно отрицает покой отрицательного, его замкнутость в себе самом, когда оно безусловно и решительно исключает из себя отрицательное и этим поддерживает его деятельность, когда оно само превращается в деятельное отрицательное начало. Эту деятельность отрицания, до которой возвышаются даже позитивисты под влиянием непреодолимой силы противоположения, незримо присутствующей во всех живых натурах, и которая одна дает им право на существование и служит единственным признаком их жизненности, именно эту деятельность отрицания и хотят запретить им соглашатели. По какому-то странному и непонятному злему року или, вернее, по вполне понятному злему року своей практической беспринципности, своего практического бессилия, они признают в позитивистах именно то, что в них мертво, гнило и достойно только уничтожения, и отвергают в них все, что как раз составляет их жизненность – живую борьбу с отрицательным, живое присутствие в них противоположения.